

ОТНОШЕНИЕ КУПЕЧЕСТВА К ТАМОЖЕННОМУ ОТКУПУ В XVIII в. (На примере Н. Т. Шемякина)

Использование таможенных откупов как средства решения финансовых и административных проблем часто применялось в российской государственной практике XVIII в. В годы Северной войны таможенные откупа, отмененные в конце XVII в., были восстановлены в отношении внутренних и пограничных таможен. Царским указом от 18 января 1721 г. предлагалось всем желающим взять на откуп таможи по польской границе. После его опубликования выяснилось, что ни Камер-коллегия, ни Коммерц-коллегия не имеют сведений о таможенном внешнеторговом сборе в этих порубежных местах. К счастью, желающих принять на себя заботу о таможах не нашлось, и правительство решило временно отложить исполнение указа¹. В 1732 г. внутренний таможенный сбор в Архангельске по указу Камер-коллегии на шесть лет передавался на откуп московским купцам. В 1746 г. правительство также передало московским купцам во главе с Иваном Хилковым на 4-летний откуп сбор внутренних пошлин в Севской, Брянской и Курской таможах². Камер-коллегия обычно не вмешивалась в деятельность откупщиков и следила только за исправными выплатами откупных сумм и «наддач» по контрактам.

В 1754 г. внутренние таможенные пошлины в России были отменены и потери казны компенсировались установлением 13-процентной «новоположенной прибавочной пошлины» со всех экспортных и импортных товаров. Введение нового таможенного налога вместе с увеличением пошлинного обложения привозных товаров по тарифу 1757 г., с одной стороны, являлось предпосылкой для увеличения таможенных доходов, а с другой — вызывало негативную реакцию купечества. В этих условиях требовалось особое внимание к процедуре начисления пошлин и повышенная бдительность при проведении таможенного досмотра. Кроме того, в 1757 г. Россия вступила в Семилетнюю войну и правительство нуждалось в стабильном источнике бюджетных поступлений. Все указанные обстоятельства привели руководство страны к решению о распространении откупной системы на все таможи России. Правительство Елизаветы Петровны надеялось, что представители купеческого сословия отнесутся к организации сбора пошлин более ответственно, чем государственные служащие, и это позволит ликвидировать многие притеснения и несправедливости, на которые часто жаловались купцы. Откупная система должна была способствовать росту государственной прибыли, уменьшению контрабанды, совершенствованию организации таможенного дела.

В 1758 г. все пограничные и портовые таможи, за исключением остзейских провинций и азиатской границы, в соответствии с Сенатским указом передавались на 6-летний откуп директору Темерниковской торговой компании Н. Т. Шемякину с компаньонами. Откупщики, помимо сбора пошлин, обязывались содержать в исправности таможи, выплачивать жалование всем таможенным служащим из собственных средств, аккуратно вести таможенные книги и предоставлять в Коммерц-коллегию рапорты о привозе и вывозе товаров. Одновременно Шемякин получил право осуществлять кадровую политику по своему усмотрению вплоть до замещения управляющих таможами. Сам откупщик стал обер-инспектором таможи, а его помощники — директорами таможен.

Размер откупной суммы не был обозначен в контракте. Он подлежал определению во время действия договора через вычисление среднего поступления доходов от таможен за каждый месяц в 1755–1757 гг. Компания должна была уплатить сумму против месяца вперед. Кроме того, Шемякин обязывался вносить в виде прибавки к откупной плате каждый год по 170 тыс. руб. (около 7 % от среднегодовых таможенных доходов государства)³.

Известно, что Никита Шемякин подал ходатайство о передаче ему на откуп таможенных сборов в конце 1757 г. Правительство, обсудив его просьбу, поторопилось заключить договор до начала навигации 1758 г. К моменту подписания контракта чиновники подсчитать размер откупной суммы не успели, поэтому можно предположить, что в это время Коммерц-коллегия не имела регулярно поступающей информации о таможенных доходах государства.

Откупщики выплачивали государству около 2 млн. руб. в год⁴. После смерти Елизаветы Петровны новый император Петр III продлил Шемякину право на откуп еще на 10 лет, принимая во внимание полученную казной прибыль и отсутствие жалоб купечества за предшествующий период откупа⁵. Однако уже через несколько месяцев контракт был расторгнут, так как компания Шемякина не смогла заплатить откупную сумму за полгода и не предоставила отчетов о ходе торговли и ведомости о получении таможенных доходов. 26 августа 1762 г. вышел указ Сената «О принятии в казенное ведомство всех портовых таможенных сборов и об определении к оным смотрителя»⁶. Управление таможами передавалось членам специально созданной Комиссии о таможах. Смотрителем над всеми

таможенными сборами назначался статский советник Алексей Яковлев, а его помощниками — надворный советник Николай Самойлов и ярославский фабрикант Иван Затрапезный. По указанию Сената Комиссия о таможенных занималась выяснением размеров государственного долга откупщиков и его взысканием. В ходе работы Комиссия выяснила, что только казенный долг Шемякина составляет 702535 руб., в том числе по таможенным пошлинам — 303170 руб., по кредиту Медного банка — 314000 руб., не считая многочисленных непогашенных займов у купцов⁷. По доносу бывших служащих Петербургской таможни регистратора И. П. Матвеева, подканцеляриста Н. Г. Быкова и унтер-инспектора Анисимова было проведено следствие, которое установило, что с согласия Шемякина в столичной таможне купцам предоставлялась незаконная скидка в пошлинах, выдавались конфискованные бесфактурные товары, с иностранных купцов пошлины взимались полностью рублями, а не наполовину ефимками, как это было положено по тарифу. Руководство таможни вело двойную финансовую отчетность и многие таможенные документы оказались переправленными⁸. Никита Шемякин в свое оправдание написал, что на многие нарушения он пошел из-за условий военного времени. В 1758 г. недобор компании по таможенным пошлинам составил более 200 тыс. руб. Шемякин понимал, что из-за войны недобор будет и в последующие годы, поэтому, чтобы его компенсировать, делал уступку купцам в пошлинах за шелковые товары. В ином случае, как он указывал, казна не только не получила бы 1,5 млн. руб. наддачи, но и потеряла бы более миллиона рублей. Для возвращения конфискованных товаров у откупщика тоже нашлись причины. Он возвращал их после истечения срока представления фактуры, чтобы они не испортились и купцы заплатили бы с них пошлину, а иначе компания от конфискации понесла бы убыток и купцы могли бы разориться. «А впрочем, — писал в заключение Никита Шемякин, — мы никого не обидели, коммерции не разоряли, а единственно старались еще, чтобы она год от году в лучшую силу приходила»⁹. Оправдания откупщика императрицу и Сенат не удовлетворили, и его просьбы о списании с суммы долга пошлин за сгоревшие во время пожара 1761 г. в Петербурге на складах экспортные товары остались без внимания. Имущество Шемякина в столице описали за долги, а его самого посадили в тюрьму. Многочисленные нарушения таможенного законодательства, совершенные откупщиками, не заставили Екатерину II отказаться от идеи таможенного откупа. Она намеревалась отдать на срок не более 6 лет все портовые и пограничные таможни в содержание частным лицам, имеющим капиталы, которые до сентября 1763 г. могли бы представить свои условия. На предложение откликнулся рижский купец Я. Тиссен. Он соглашался взять таможни на 10-летний откуп, обещая 500 тыс. руб. ежегодной наддачи, если ему предоставят следующие права: 1) по своему усмотрению уменьшать пошлины; 2) не подчиняться Коммерц-коллегии и состоять под управлением императрицы; 3) не отчитываться о своей таможенно-финансовой деятельности при условии исправного платежа откупной суммы¹⁰. Условия, выдвинутые Тиссеном, как и оправдания Шемякина, говорят о том, что отношение купечества к таможенному откупу было иным, чем представляло себе государство. Купцы считали, что главная цель заключается в получении прибыли, ради которой можно пренебречь таможенным законодательством и протекционистскими интересами государства.

С декабря 1763 г. вопросом о целесообразности таможенного откупа занялась Комиссия о коммерции во главе с Яковым Шаховским, которой поручено было найти возможности и способы поощрения отечественной торговли и промышленности¹¹. Член Комиссии Г. Н. Теплов, изучивший документы о деятельности откупщиков, пришел к выводу о нежелательности использования откупной системы в таможенном деле. По его мнению, откупщики постоянно занижали размер пошлинного обложения ради увеличения общей суммы сборов. В страну поступало чрезмерное количество иностранных товаров, что подрывало отечественное производство. В противоположность утверждения, высказанного в указе Петра III о «немалом приращении казны» во время содержания таможенных сборов на откупе, Теплов писал о «чрезвычайном вреде», нанесенном государству откупным содержанием таможен, и сомневался в возможности значительного увеличения доходов с таможен за счет введения таможенного откупа¹².

Русский опыт передачи всех таможенных сборов в стране на откуп оказался неудачным. К середине XVIII в. Швеция, например, уже имела значительный опыт организации таможенной аренды. С 1726 г. все внутренние, морские и пограничные таможни сдавались там государством в аренду с целью получения регулярных и устойчивых доходов. Несмотря на укрепление русско-шведских отношений в середине 1750-х гг., правительство Елизаветы Петровны не воспользовалось шведским опытом и допустило многочисленные просчеты при заключении откупного контракта. Коммерц-коллегия возложила всю вину на откупщика, не желая признавать собственные ошибки. Контракт с Шемякиным правительство продлило без серьезного анализа его деятельности, размер откупной суммы в контракте не менялся, несмотря на введение в 1757 г. нового таможенного тарифа (который

высотой ставок превосходил все предыдущие тарифы) и увеличение поступления импортных товаров за годы откупа. В Швеции, для сравнения, таможенная арендная сумма и возможности ее увеличения тщательно просчитывались и обсуждались при перезаключении договоров. Кадровая политика, проводимая Шемякиным и его компаньонами с согласия правительства, также повлияла на исход предприятия. Назначение на таможенную службу попадало в зависимость от срока действия контракта откупщиков с правительством, что увеличивало количество злоупотреблений на местах. Регулярные жалобы Шемякина на неправомерные действия командиров воинских команд, направляемых для оказания помощи таможенным служащим, получение ими взяток за тайный провоз товаров через границу оставались без внимания правительства. Все эти факторы вместе с нарушениями условий контракта самого откупщика и его помощников закономерно привели к неблагоприятному результату.

В ноябре 1763 г. Екатерина II учредила Главную над таможенными сборами канцелярию под руководством действительного тайного советника И. Э. Миниха, которому предписывалось с навигации 1764 г. взять таможенные сборы в казенное содержание. С 1 января 1764 г. таможни перешли в государственное управление¹³. По итогам года Комиссия о коммерции сравнила данные о таможенном доходе, полученном за 1764 г. и в период откупа. Шемякин с компаньонами платил в год 885 пудов, 14 фунтов, 61 золотник ефимков и 1405711 руб., а в 1764 г. в казну поступило 1110 пудов, 28 фунтов, 45,5 ефимков и 1671953 руб. за вычетом расходов, что подтверждало выводы Теплова о сомнительной возможности получения государством большой прибыли от таможенного откупа¹⁴.

Правительство, передавая таможни на откуп в годы Семилетней войны, надеялось получить стабильный доход от таможенных сборов и использовать его на военные нужды. Однако война традиционно приводила к сокращению внешней торговли, тем более что среди противников России в Семилетней войне оказался ее главный торговый партнер — Англия. В контракте с Шемякиным не оговаривался вариант возможного уменьшения таможенных сборов из-за условий военного времени, что заставляло откупщика и его компаньонов нарушать закон ради исполнения договора, но в то же время он сам не захотел признаться Коммерц-коллегии в убытках за первый год откупа и добровольно расторгнуть контракт. Деятельность Шемякина продемонстрировала отношение российских купцов к таможенному откупу и таможенной политике государства. Шемякин стремился к получению прибыли любой ценой, не принимая во внимание, что средства достижения этой цели могли нанести вред таможенной политикой государства в целом.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3713; РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 589. Л. 3, 5, 71–73.

² ГААрхО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8. Л. 105; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 12. № 9457, 9506.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 10837.

⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 188.

⁵ Таможенное дело в России: X — начало XX вв.: (Ист. очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995. С. 49.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11658.

⁷ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 585. Л. 200–201.

⁸ Там же. Д. 581. Л. 21 об.; Д. 589. Л. 1–58.

⁹ Там же. Д. 581. Л. 4 об.–5.

¹⁰ Там же. Д. 580. Л. 1–9 об.

¹¹ Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 572. Л. 158 об.–159.

¹² Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа: Исслед. СПб., 1886. С. 122–123.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11985; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 596. Л. 4–8 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 188, 191.

И. Н. Юркин

«И НЫНЕ СОСТОЯТ РАЗОРЕННЫМИ И ОПУСТЕЛЫМИ?» (Номенклатура и сбыт продукции подмосковных металлургических заводов, избежавших закрытия по сенатскому указу 1754 г.)

В 1754 г. указом Правительствующего Сената от 22 августа было предписано уничтожить истреблявшие древесину заводы, располагавшиеся ближе 200 верст от Москвы. Это распоряжение, действовавшее и исполнявшееся на протяжении десятилетия, нанесло тяжелый удар по металлургической промышленности Московской губ.